

УДК 821.161-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П47

Познер, Владимир Владимирович

П47 Немецкая тетрадь. Субъективный взгляд / Владимир Познер. — Москва:
Издательство АСТ 2019. — 128 с. (Владимир Познер. Субъективный взгляд)

ISBN 978-5-17-113213-2

«Когда мне было неполных пятнадцать лет, мой отец, горячий сторонник СССР, коммунист по убеждениям, хотя и не член партии, попал в черные списки и лишился источника заработка. Советское правительство предложило ему работу в берлинском отделении «Совэкспортфильма», мы уехали в Восточную Германию, то есть именно в ту страну, куда я ни за что ехать не хотел», — так начинается свою книгу о Германии Владимир Познер. Она — результат долгих раздумий автора о стране, о людях, с которыми ему довелось встретиться, о прошлом и настоящем и о том, что связывает и разделяет в настоящий момент Германию и Россию. Книга иллюстрирована фотографиями автора, за каждой из них прячется уникальная история, маленькая, но выразительная. Из таких историй, как пазл, складывается настоящая германская головоломка.

ISBN 978-5-17-113213-2

© Владимир Познер
© ООО «Издательство АСТ»

Содержание

6	Объяснение
8	«Германская Головоломка»
15	Татьяна Нидель
20	«17 июня 1953»
26	Сейгем Айгюн
30	Ханс Шеффер
37	Октоберфест
42	Крысолов
48	Макс Маннхаймер
54	Одноклассники
62	Памятник
66	Эрнст-Йорг фон Штудниц
72	Роланд Ян
78	Тило Саррацин
87	Лея Рошель
92	Дитер Грауманн
96	Бернхард Шлинк
101	Стена
104	Никлас Франк
108	Фитце
112	Йорг Метке
114	Бригитте Циприс
119	Ханс Бьерке

Объяснение

Тот, кто пишет, знает, что такое «не пишется». Когда сидишь, уставившись в пустой лист бумаги — или электронный — и не выходит ничего. Тоска. Пытаешься выдать из себя хоть какие-то слова, сложить их в более или менее приемлемый порядок, чтобы преодолеть чувство бессилия, но ничего не выдавливается или выдавливается такое, на что невозможно смотреть без отвращения.

Книжки, которые я написал вслед за документальными фильмами «Одноэтажная Америка», «Тур де Франс» и «Их Италия», писались необыкновенно легко, на одном дыхании. А потом всё остановилось. Резко. Как-будто в стремительно мчавшейся машине водитель ударил по тормозам. Только не было ни скрипа, ни скрежета, напротив, была полная тишина. Всё встало. Последовали фильмы «Германская головоломка», «Англия в общем и в частности», «Еврейское счастье», «В поисках Дон Кихота», фильмы, в которые были вложены переживания, порой даже страдания, размышления, и мне казалось, что всё это обязательно выплеснется в книги. Но...

Не писалось. Никак. Сколько раз ни садился к столу, столько раз я выходил из-за стола, не написав ни одного слова.

Бывало, вдруг вдохновение, и вместе с ним возникало ощущение, что вот, наконец-то, всё вернулось, сейчас ка-а-к сяду, к-а-ак напишу! Звонил моему редактору Евгении Лариной с радостными новостями: ожидайте, скоро всё будет. Но как только я садился за письменный стол, то с огромным трудом выдавливал из себя одну, максимум две страницы, и на этом всё заканчивалось. И я принял решение больше не думать об этом, забыть. И стало легче. Никого больше не обманывал обещаниями вот-вот написать, но главное, перестал обманывать себя.

Правда, иногда тихий внутренний голосок противно ныл, стыдил меня, но безуспешно. «Всё, — думал я с облегчением, — всё, больше никаких книг не будет».

Совсем недавно я сидел у компьютера и смотрел фотографии. Их у меня великое множество, поскольку я страстный фотограф-любитель, и когда я отправляюсь на съёмки фильма, то всегда беру с собой две, а то и три камеры. И снимаю. Портреты тех, у кого беру интервью, разные виды, разные городские уголки. И вот я листал папку с названием «Германская головоломка», смотрел на эти лица и пейзажи, снятые мною несколько лет тому назад, вспоминал всё это... и вдруг подумал, что можно было написать книжку о том, какие эти фотографии навевают мысли... Нет, не точно, не подумал, а захотелось написать такую книжку.

Вот что получилось.

«Германская головоломка»

Я этот фильм снимать не хотел. Потому что боялся. Это просто сказать и куда как сложнее объяснить. Есть страх понятный, в разъяснениях не нуждающийся. Например, я боюсь акул. Боюсь — и всё тут. Это разве надо объяснять? А боязнь делать фильм о Германии...

Я с самого детства ненавидел немцев. Это чувство внушил мне мой отец во время Второй мировой войны. Я войну помню: как в Париже меня сажал на плечи мой дядя Роже, чтобы спуститься в бомбоубежище во время налетов; как парадным шагом шли по Елисейским Полям немецкие войска и как, глядя на них, плакали французы, стоявшие вдоль тротуара; как наша семья по подложным документам сумела попасть в «Свободную зону» Франции, в Марсель, и оттуда через Испанию и Португалию, прихватив с собой мою «няню», девятнадцатилетнюю еврейку (ее родители дали моему отцу необходимую сумму денег, чтобы подкупить гестапо и получить выездные документы, при условии, что мы возьмем их дочь с собой). И еще я помню детство в Нью-Йорке

и рассказы о немецких зверствах, которые потом получили реальное подтверждение, когда папа показал мне документальные ленты, снятые немцами в концлагерях — снятые тщательно и подробно с известной всему миру немецкой аккуратностью. И помню еще о том, как папа рассказал мне, что его ближайшего друга, Вову Бараша, немцы отправили в Аушвиц в газовую камеру, а его собственного отца, моего дедушку, которого я так и не увидел никогда, кроме как на фотографии — стоит такой исключительно модно, даже чуть франтовато одетый мужчина, от которого веет тонким запахом туалетной воды, немцы расстреляли лишь за то, что его фамилия была Познер. Всё это и множество других вещей сформировали моё отношение к немцам — не только к Гитлеру с компанией, не только к нацистам, ко всем до самого последнего.

Когда мне было неполных пятнадцать лет, мой отец, горячий сторонник СССР, коммунист по убеждениям, хотя и не член партии, потерял свою высокооплачиваемую работу в американской кинокомпании MGM, потерял из-за того, что не захотел сдать свой советский паспорт в обмен на американский; когда он попал в черные списки и лишился источника заработка; когда французские власти отказали ему в визе, таким образом практически закрыв не только ему, но моей маме,

мне и брату возвращение во Францию; когда, наконец, советское правительство предложило ему работу в берлинском отделении «Совэкспортфильма», мы уехали в Восточную Германию, то есть именно в ту страну, которую я ненавидел и куда ни за что ехать не хотел.

Невозможно передать разницу между ярким, полным обещаний, бесподобным Нью-Йорком и Берлином — полуразрушенным, серым, кисло пахнувшим запахом некачественного бурого угля, которым немцы топили свои жилища. В Нью-Йорке я чувствовал себя дома, это был мой город, я знал его как свои пять пальцев, я болел за королей бейсбола «Нью-Йорк Янкиз», я был абсолютно, несомненно, категорически стопроцентным нью-йоркским мальчиком, я был «своим». А в Берлине? В Берлине я был совершенно чужим: не мой город, не мои люди, и что вообще невыносимо, меня там принимали за немца, поскольку я ни слова не знал по-русски. Странное дело, я не помню, чтобы я тогда страдал, но, вспоминая сейчас прожитые там четыре года, я испытываю острое чувство жалости к тому американскому подростку, юность которого прошла в глубоко чуждой и ненавистной ему среде. Я знаю, что эти четыре года изменили меня — и физически, и психически. Я был 180 сантиметров роста, когда мы покинули Нью-Йорк. Попав в этот

скудно снабжаемый Берлин, я перестал расти; думаю, я не добрал сантиметров 5–7 того, что предполагала природа. А из беззаботного, открытого, лишенного комплексов мальчика я превратился в... хамелеона, я чувствовал необходимость «менять краску», делаться похожим на других, чтобы меня не считали чужим, а принимали за своего. Как же это было мучительно трудно! Прошло не одно десятилетие прежде, чем я избавился от этого почти условного рефлекса, когда я перестал пытаться встраиваться, когда смог сказать себе — а, значит, всем: нет, я не такой, как вы, не лучше и не хуже, но не такой, и мне совершенно всё равно, как вы относитесь к этому, потому что для меня самое главное — это чувствовать себя хорошо в собственной шкуре.

Порой мне кажется, что Германия мне мстит за то, что я так не люблю её. Бред? Конечно, но именно в Германию эмигрировала моя дочь, увезя с собой мою внучку Машу и невольно тем самым лишив меня возможности участвовать в её воспитании. Там, в Германии, родился мой внук Коля, и именно эта страна пролегла между нами. Сколько бы я смог дать им, если бы они росли рядом!.. Что до моего правнука Валентина, которому сейчас три года, то я для него в какой-то мере мифологическая фигура, которая приобретает реальные очертания два-три раза в год, когда я приезжаю

в Берлин на несколько дней или когда он с родителями приезжает в Москву на Рождество.

При чем тут Германия? Разве было бы иначе, если бы моя дочь уехала во Францию? Или в Америку, куда приезжать было бы еще труднее? Правильный вопрос, логичный, но не ждите от меня логики, потому что речь идёт о чувствах, а чувства к логике отношения не имеют. Всё, что я рассказал, — это попытка объяснить вам, читателям, почему я боялся делать фильм о Германии. Я опасался того, что мои личные счеты со страной «трех Б» — Баха, Бетховена и Брамса, но и «трех Г» — Гитлера, Гебельса и Геринга — не позволят мне быть объективным, что я не смогу справиться со своими пристрастиями.

Опасался не напрасно. Посмотрев фильм заново, я должен был признаться себе в том, что моя неприязнь к Германии и к немцам то и дело давала знать о себе. Я старался быть непредвзятым, “even-handed”, как говорят американцы. Не получилось. И теперь, вспоминая ту поездку по фотографиям некоторых ее «героев», боюсь того, что это случится вновь, что опять не удержусь и из меня, как из разбуженного вулкана, вырвется кипящая лава нелюбви. Постараюсь удержать её. Очень постараюсь. А что получится, то и получится.

И последнее: в том, как размещены эти фотографии и связанные с ними размышления, нет ни хронологии, ни связи. Хотя, может быть, какая-то связь есть — не совсем, как, например, в пазле, потому что здесь каждое фото значимо само по себе (в отличие от кусочков головоломки), но и как в пазле потому, что все фото и связанные с ними размышления, собранные вместе, составляют, как мне кажется, единую картину.
